

**ИВАН
АКСАКОВ**

ИЗ ПИСЕМ

Иван Сергеевич Аксаков

Из писем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2667255

Аннотация

«Вышло, как и всегда у нас бывает, совершенно неожиданно хорошо и как-то само собою, вопреки нелепости людской, тысяче промахов и нашему скептицизму. Как хотите, а воздвижение памятника Пушкину среди Москвы при таком не только общественном, но официальном торжестве – это победа духа над плотью, силы и ума и таланта над великою, грубою силою, общественного мнения над правительственной оценкою, до сих пор удостоивавшею только военные заслуги своей признательности...»

Содержание

И. С. Аксаков – М. М. Достоевскому	4
И. С. Аксаков – А. Н. Плещееву, без даты:	6
И. С. Аксаков – А. Ф. Благоднравову	7
И. С. Аксаков – О. Ф. Миллеру	9
И. С. Аксаков – О. Ф. Миллеру	14
И. С. Аксаков – О. Ф. Миллеру	19

Иван Сергеевич Аксаков

Из писем

И. С. Аксаков – М. М. Достоевскому

<Москва. 20 марта 1864 г.>

...Вот вам две статьи Сергея Колошина¹. Пригодятся они вам – напечатайте их и пошлите деньги, сколько там придется, по расчету, прямо к нему в Рим, *poste restante*. Не пригодятся – возвратите их мне для передачи М. П. Погодину. Колошин предлагает вам быть вашим корреспондентом из Рима и вообще из-за границы. Он очень болен и очень нуждается <...>

Передайте от меня поклон Федору Михайловичу².

¹ Сергей Павлович *Колошин* (псевд. *Не я*, 1825–1868) – московский публицист-славянофил, находившийся в это время в Италии (см. «Лит. наследство», т. 83, стр. 235). Ему протежировали М. П. Погодин и Аксаков. Ряд писем Погодина и Аксакова к М. М. Достоевскому по поводу Колошина и письма самого Колошина к тому же адресату от весны 1864 г. сохранились в *ЛБ*.

² В недатированном письме к М. П. Погодину, относящемся к весне 1864 г., Аксаков писал: «О Колошине ответа нет. Я ведь вовсе не в приятельских отношениях с Мих. Достоевским, видел его всего раза два у Плещеева. А Федор Достоевский в дела журнала и в денежные соображения своего брата не вмешивается. Да и его здесь нет, он уехал. Колошин – издатель „Зрителя“, а это плохая реко-

мендация для серьезного журнала или претендующего на серьезность...» (Авт. ЛБ, ф. 231.Ш. 1.22). Упомянутый Аксаковым еженедельный журнал «Зритель общественной жизни, литературы и спорта» издавался Колошиным в Москве с 16 декабря 1861 г. по 1863 г. Это был консервативный орган, открыто поддерживавший репрессивную политику правительства по отношению к революционно-демократической прессе и польским повстанцам. Хотя по своей политической программе и симпатиям «Зритель» примыкал к аксаковскому «Дню», Аксаков, как мы видим, был весьма невысокого мнения об этом журнале. В «Эпохе» было помещено несколько компилятивных статей Колошина («Рим, папа и Антонелли» – 1864, № 3; «Иезуиты и их уложение» – № 6) и др. Летом 1864 г. М. П. Погодин писал братьям Достоевским: «Не угодно ли будет милостивому государю Михаилу Михайловичу или Федору Михайловичу повидаться со мною и получить от меня статью г. Колошина? Я остановился в Бассейной в доме Кокорева. Ныне *среда*, весь день дома. Завтра – утром и вечером. А в пятницу думаю выехать за границу. Я был бы у вас сам, но с бумагами неудобно. Пришлите, и без церемоний, пожалуйста...» *Приписано М. М. Достоевским И. Г. Долгомостьеву*: «Сделайте одолжение, добрый мой Иван Григорьевич, съездите к М. П. Погодину и скажите ему, что мне очень жаль лишиться случая познакомиться с ним. Я болен и приеду в город разве дня через три» (ЛБ, ф. 93.2.7.101). В приходе-расходной книге по изданию «Эпохи» рукой М. М. Достоевского под датой 15 мая 1864 г. отмечена посланная Колошину через Аксакова сумма 65 руб. 62 коп. (ЛБ, ф. 93.1.3.21). О намерении Достоевского написать Колошину – см. «Лит. наследство», т. 83, стр. 201–202.

**И. С. Аксаков –
А. Н. Плещееву, без даты:**

«Любезнейший Алексей Николаевич!

Я изъездил всю Старую Басманную, отыскивая Достоевского, но нигде дома Белонегркина или Безнегркина не нашел. Не можете ли вы мне описать точнее местность, где стоит сей дом? Или, может быть, я переврал адрес? Или ошибся сам Достоевский? До свидания, надеюсь.

Ваш Ив. Аксаков. Четверг ночью» (Авт. ЛБ, ф. 93.П.1.24).

И. С. Аксаков – А. Ф. Благоднравову

3

Москва. 20 октября 1879 г.

Я ужасно виноват пред вами, многоуважаемый Александр Федорович, что до сих пор не отвечал вам на ваше письмо⁴. Прочитав его, я решил в уме, что необходимо *выждать*

³ Александр Федорович *Благоднравов* – провинциальный врач. Ему адресовано письмо Достоевского, датированное 19 декабря 1880 г. («Письма», IV, стр. 220–221).

⁴ Среди бумаг Достоевского сохранилось письмо Благоднравова из Юрьева-Польского (10 декабря 1880 г.): «... Из того, что ваш последний роман „Братья Карамазовы“, захватывающий в себя, предрешающий глубину вопросов, в нем поставленных, читается многими в нашей глухой провинции, хотя и под руководством лиц, более способных понимать ваше художественное создание, вы можете заключить, что живущая в провинции молодежь (я разумею чиновников и молодое купеческое поколение, воспитываемое на пустых романах) перестает коснеть в невежестве и мало-помалу умственно развивается, – идет вперед. Едва ли кому-либо, кроме вас, суждено так ярко и так глубоко анализировать душу человека во время различных ее состояний, – изображение же галлюцинации, происшедшей с И. Ф. Карамазовым вследствие сильной душевной напряженности (я пока остановился на этой главе, читая ваш роман понемногу), создано так естественно, так поразительно верно, что, перечитывая несколько раз это место вашего романа, приходишь в восхищение. Об этом обстоятельстве я могу судить поболее других, потому что я медик. Описать форму душевной болезни, известную в науке под именем галлюцинаций, так натурально и вместе так художественно, навряд ли бы сумели наши корифеи психиатрии: Гризингеры, Крафт-Эбинги, Лораны, Сенкеи и т. п., наблюдавшие множество субъектов, страдавших нарушенным психическим строем...» (Авт. ЛБ, ф.93.11.1.96).

окончательного результата оценки, о чем и хотел вам писать. Но тут случились разные обстоятельства, совершенно отвлекшие мое внимание. *Выждать* – я и теперь стою на этом. Еще неизвестно, какой отзыв дадут Гончаров и Достоевский. Если даже ваша сказка не получит премии, то все же будет иметь значение всякий похвальный отзыв о ней таких авторитетных писателей. Попросите секретаря, г. Рогова, чтоб непременно сообщил их отзыв, каков бы он ни был <...> Я очень охотно представлю ваш рассказ в Общество распространения полезных книг. Комитет же грамотности находится в Петербурге. Если вы не получите Фребелевской премии⁵, то прежде всего нужно напечатать и затем экземпляр представить в Комитет...

Автограф. ЦГЛИМ.ОФ.3985.

⁵ Летом 1871 г. в России было организовано Фребелевское общество (*Ф. Фребель* – известный немецкий педагог, создатель «детских садов»). Начиная с 1878 г. Совет Общества проводил конкурсы на лучшие рассказы для детей младшего возраста. В «Отчете Совета С.-Петербургского Фребелевского общества 1871–1896» (СПб., 1897) отмечается: «Совет не может не вспомнить с благодарностью и Федора Михайловича Достоевского, сочувствовавшего целям Общества и являвшегося всегда на помощь, когда обращались к его содействию. Он принимал участие в детских праздниках и в комиссии о присуждении премий» (стр. 25). В число членов комитета по присуждению премий входили также Гончаров, Плещеев и др. В перечне лиц, получивших фребелевские премии за 1878–1895 гг. (стр. 53–59), имя Благоднава не названо.

И. С. Аксаков – О. Ф. Миллеру

Троекурово. 14 июля 1880 г.

...И я очень жалею, что вас не было в Москве на пушкинских празднествах⁶.

Вышло, как и всегда у нас бывает, совершенно неожиданно хорошо и как-то само собою, вопреки нелепости людской, тысяче промахов и нашему скептицизму. Как хотите, а воздвижение памятника Пушкину среди Москвы при таком не только общественном, но официальном торжестве – это победа духа над плотью, силы и ума и таланта над великою, грубою силою, общественного мнения над правительственной оценкою, до сих пор удостоивавшею только военные заслуги своей признательности. Это великий факт в истории нашего самосознания. Приятно мне знать, что вы разделяете мое мнение насчет речи Достоевского. Но, без сомнения, еще важнее содержания его речи – впечатление, им произведенное. То есть, я хочу сказать, что Достоевский мог бы изложить те же мысли в каком-нибудь романе или в своем «Дневнике», и мысли эти, конечно, были бы замечены *ж* достаточно оценены нами, но это обстоятельство не имело бы того значения, какое приобрели те же его слова, сказанные [всенародно] с трибуны, в присутствии нескольких тысяч че-

⁶ Миллер находился в это время в Петербурге, где также торжественно отмечался пушкинский праздник.

ловек, прямо в упор массе молодых людей и всему сонму петербургских литераторов, вслед за всякого рода речами, изобиловавшими *captatione benevolentiae*⁷. Вот это-то искусство, этот дар выразить истину в такой сравнительно сжатой, простой форме – и без всяких повелительных ораторских приемов, без всякого заискивания и смазывания, повернуть все умы в другую сторону, поставить их внезапно на противоположные для них точки зрения, озарить их, хотя бы и на мгновение, светом истины и вызвать в них восторг, вернее сказать – восторженное отрицание того, чему еще четверть часа назад восторженно поклонялись, – вот что было удивительно, вот что важно, вот что явилось событием и привело меня в радость. Вот почему я счел нужным подчеркнуть, так сказать, значение этого факта и, взойдя на кафедру, сказал несколько слов, может быть даже слишком восторженных⁸. Но если б вы видели, что такое было, и не со стороны одной молодежи, а со стороны столпов так называемого западничества, не исключая Тургенева и Анненкова!

Весьма простая вещь – воздать должное Татьяне за соблю-

⁷ заискиваниями (*лат.*).

⁸ В отчете о чествовании памяти Пушкина в Москве выступление Аксакова изложено следующим образом: «*Я. С. Аксаков* сказал, что едва ли кто-нибудь из присутствовавших испытывает такой восторг от речи Достоевского, как сам г. Аксаков. Последний собирался говорить именно на эту тему, так художественно, так гениально обработанную Достоевским. Отныне вопрос о том, народный ли Пушкин поэт, – решен окончательно, и толковать больше нечего...» («Венок на памятник Пушкину». СПб., 1880, стр. 62).

дение верности мужу и спросить, по этому случаю, публику: можно ли на несчастье другого созидать свое счастье? Но грянувший от публики взрыв сочувственных рукоплесканий, что же он значил, как не опровержение всех теорий о свободных любвях и всех возгласов Белинского к женщине по поводу Татьяны и ее же подобия в Маше Троекуровой (в «Дубровском» Пушкина же), и всего этого культа *страсти*?! Когда девицы высших курсов тут же устремились к Достоевскому с выражением благодарности, что привело их в восторг? Они сами не могли бы отдать себе ясного отчета: это было неотразимое действие истины непосредственно на душу, это была своего рода радость эмансипации от безнравственности коверкающих их доктрин, возвращения к своему нравственному первообразу. Вероятно, всем им, бедным, досталось или достанется еще от профессоров; в первую минуту никто не спохватился, а потом, уже к вечеру, Ковалевские⁹, Глебы Успенские¹⁰ и т. п. повесили носы, вероятно, выругали себя сами за то, что «увлеклись», и стали думать о том, как бы сгладить, стушевать или перетолковать в свою пользу все случившееся. Мне передавали сами студенты возникшие между ними потом разговоры: «А ведь знаете, гос-

⁹ Максим Максимович *Ковалевский* (1851–1916) – историк и этнограф, профессор Московского университета. Достоевский относил его во время пушкинских торжеств к «враждебной партии» вместе с Тургеневым и «всем университетом» («Письма», IV, стр. 157).

¹⁰ Отчет Г. И. Успенского о пушкинских торжествах был напечатан в «Отеч. записках», 1880, № 6. См. о нем в «Лит. наследстве», т. 83, стр. 75.

пода, куда мы с нашим восторгом по поводу Достоевского влетим: в мистицизм!»¹¹ Но если бы даже два десятка душ удержали в себе благотворное воздействие речи Достоевского, и то слава богу.

Не понимаю Градовского. Зачем нашел нужным он ослаблять действие речи Достоевского и вступаться за скитальцев?..¹² Можно бы, конечно, многое сказать о бродяжничестве на Руси; это самый народный тип, некогда меня пленивший¹³, но всего менее может быть он истолкован отсутствием политической свободы и присутствием Держиморд¹⁴...

¹¹ См. примеч. 4 к п. 211.

¹² Профессор Петербургского университета Александр Дмитриевич *Градовский* (1841–1889) напечатал 25 июня 1880 г., в № 174 «Голоса», статью «Мечта и действительность», полемически направленную против речи Достоевского. «Нам представляется прежде всего недоказанным, – писал он, – что „скитальцы“ отрешались от самого существа русского народа, что они переставали быть русскими людьми. До настоящего времени нисколько не определены пределы их отрицания, не указан его объект, так сказать. А пока не определено это, мы не вправе произнести о них окончательное суждение». Приведя цитату из речи Достоевского о необходимости искать правду внутри себя, «подчинить себя себе», Градовский заявлял: «В этих строках г. Достоевский выразил „святая святых“ своих убеждений, то, что составляет одновременно и силу, и слабость автора „Братьев Карамазовых“. В этих словах – великий *религиозный* идеал, мощная проповедь личной нравственности, но нет намека на идеалы *общественные*». Ср. «Письма», IV, стр. 182–183. Ответ Достоевского – в «Дневнике писателя», 1881. См. также «Лит. наследство», т. 83, стр. 705.

¹³ Аксаков являлся автором поэмы «Бродяга» (1852), пользовавшейся некоторым успехом в 1850-х годах.

¹⁴ Пересылая публикуемое письмо Достоевскому для передачи его жене, коллекционировавшей автографы, Миллер писал 1 сентября 1880 г.: «Вот письмо

Аксакова – в вечное и потомственное владение Анне Григорьевне. Передайте ей при этом мой глубокий, глубокий поклон. Я с своей стороны рассчитываю на то, что вы по возвращении на берега Невы позволите мне когда-нибудь прочесть письмо Аксакова к вам. Итак – вы постоянно священнодействуете – творите! Берегите только себя, дорогой Федор Михайлович, давайте себе отдыхать по временам, дышите свежим воздухом, который к тому же так упорно дышит летом и до сих пор...» (Авт. ЛБ, ф.93.П.6.85).

И. С. Аксаков – О. Ф. Миллеру

Троекурово. 17 августа 1880 г.

...Конечно, нечего меня называть при упоминании впечатления, произведенного речью Достоевского на Тургенева и Анненкова¹⁵. Это неудобно. Скажу, впрочем, что оба они, особенно Тургенев, был отчасти (и даже не отчасти, а на две трети) подкуплены упоминанием о Лизе Тургенева¹⁶¹⁷. Ив. Сергеевич вовсе этого от Достоевского не ожидал, покрас-

¹⁵ Миллер работал в это время над статьей для «Русской мысли» о пушкинских торжествах.

¹⁶ Это сопоставление было покрыто рукоплесканиями. – *Примеч. Аксакова.*

¹⁷ 13 июня 1880 г. Тургенев писал М. М. Стасюлевичу: «И в речи Ив. Аксакова, в во всех газетах сказано, что лично я совершенно покорился речи Достоевского и вполне ее одобряю. Но это не так <...> Эта очень умная, блестящая и хитроискусная при всей страстности речь всецело покоится на фальши, но фальши, крайне приятной для русского самолюбия <...> Но понятно, что публика сомлела от этих комплиментов; да и речь была действительно замечательная по красивости и такту. Мне кажется, нечто в этом роде следует высказать. Г-да славнофилы нас еще не проглотили» (И. С. Тургенев. Письма, т. XII, кн. 2-я. Л., 1967, стр. 272). А. А. Киреев записал в дневнике 19 июля 1880 г.: «Тургенев – совершенный *gamolli*, делает гадости, позволяет всякой дряни (вроде редакции „Голоса“) злоупотреблять его именем в борьбе с Достоевским, про которого эта партия черт знает что рассказывает. Достоевский – христианин и консервативного направления, и при его громадном таланте и зарождающейся популярности среди молодежи он опасен для наших нигилистов в вицмундирах. *Inde irae!* (Оттуда и гнев! (*лат.*)) Тургенев идет на все из-за мелочного (но входящего до колоссальности в этой своей мелочности) самолюбия. *Quelle degradingolade!..* (Что за падение!.. (*франц.*))» (Авт. ЛБ, ф.126.2.8).

нел и просиял удовольствием. Такое сопоставление создания Пушкина, препрославленного в данную минуту, сопоставление публичное, торжественное, с его собственным творением, – не могло, разумеется, не быть приятно Тургеневу¹⁸. Некоторые тогда же подумали, что со стороны Достоевского это было своего рода *captatio benevolentiae*¹⁹. Это несправедливо. Ровно дней за двенадцать (Достоевский приехал в Москву к первому сроку, назначенному для празднования, 26 мая) Достоевский в разговоре со мною о Пушкине повторил почти то же, что потом было им прочтено в «Речи» и так же упомянул о Лизе Тургенева, прибавив, впрочем, при этом, что после этого Тургенев ничего лучшего не написал <...>

Вообще же ошибочно считать речь Достоевского за трактат, за какое-то догматическое изложение и подвергать в этом смысле критике. Ее нужно отделить от самого факта произнесения и впечатления, ею произведенного. Мысли, в ней заключающиеся, – не новы ни для кого из славянофилов.

¹⁸ Характеризуя в речи о Пушкине Татьяну Ларину как «апофеозу русской женщины», Достоевский прибавил: «Можно даже сказать, что такой красоты положительный тип русской женщины почти уже и не повторялся в нашей художественной литературе – кроме разве образа Лизы в „Дворянском гнезде“ Тургенева» (X, 447). Л. Ф. Нелидова, присутствовавшая при выступлении Достоевского, упоминает «о всем памятном» «движении руки, поцелуе, посланном Тургеневым Достоевскому в минуту, когда он в своей речи говорил о Лизе из „Дворянского гнезда“. Все знали о их неприязненных отношениях, и это была одна из лучших минут этого удивительного праздника» («Вестник Европы», 1909, № 9, стр. 236).

¹⁹ заискиванье (*лат.*).

Глубже и шире поставлен этот вопрос у Хомякова и у брата Константина Сергеевича. Но Достоевский поставил его на художественно-реальную почву, но он отважился в упор публике, совсем не под лад ему и его направлению настроенной, высказать несколько мыслей, резко противоположных всему тому, чему она только что рукоплескала, и сказать с такою силой суждения, которая, как молния, прорезала туман их голов и сердец, – и, может быть, как молния же, и исчезла, прожегши только души немногих²⁰...

²⁰ Приводим выдержки из двух неизданных писем Аксакова к Достоевскому, относящихся к этому времени. В первом из них, 20 августа, Аксаков писал: «Я с нетерпением ожидал получения в Москве вашего „Дневника“, дорогой Федор Михайлович, справлялся о нем у Живарева и был несказанно обрадован и благодарен вам за присылку. По прочтении же – экземпляров уж с десяток мною роздано и по указанию моему приобретено. Появление „Дневника“ с разъяснением речи было необходимо. Речь вашу трудно было отделить от факта произнесения и произведенного ею впечатления, ибо в этом взаимодействии было непосредственно принято и *почувствовано* несравненно более того, что *высказано* было словами речи и что услышано *слухом и сознанием*. Столько было электричества, что речь сверкнула молнией, которая мгновенно пронизала туман голов и сердец и так же быстро, как молния, исчезла, *прожегши души немногих*. На мгновение раскрылись умы и сердца для уразумения, может, и неотчетливого, одного *намёка*. Потому что речь ваша – не трактат обстоятельный и подробный, и многое выражено в ней лишь намеками. Как простыли, так многие даже и не могли себе объяснить толково, что же так подвигло их души? А некоторые – и, может быть большая часть, – спохватились инстинктивно через несколько часов и были в преколичном негодовании на самих себя! „А черт возьми, – говорил в тот же день один студент, больше всех рукоплескавший, моему знакомому студенту:– Ведь он меня чуть в мистицизм не утащил! Так-таки совсем и увлек было!..“ Но это молодежь, а записные „либералы“ затеяли, как сами знаете, ретираду похитрее и поковарнее. Одним словом, разъяснение было нужно, и вы разъяснили

Вышла августовская книжка «Русской мысли». Очень

превосходно <...> Конечно, самое важное в „Дневнике“, самое многосодержательное – это ваши четыре лекции Градовскому. „Упрекнуть вас можно лишь в том, что слишком уж крупна порция, не по внешнему, а по внутреннему объему. Тут у вас мимоходом, стороною, брошены истинные перлы, например, хоть место о встрече человекобога с богочеловеком, и другие места, годящиеся в темы для целых сочинений. Жаль, что они выброшены так, в полемической статейке. Статьи эти хороши безусловно, и я с вами вполне и во всем согласен. От Градовского не осталось ни клочка <...> Вас можно упрекнуть только в том (но это уже, я думаю, – органическое свойство), что вы проявляете мало экономической распорядительности мыслей и потому слов; слишком большое обилие первых, причем основная обставляется и иногда заслоняется множеством побочных; крупная черта подчас теряется в богатстве мелких. Еще пред взором читателя не выяснились линии всего здания, а вы уже лепите детали. Этот недостаток свойствен художникам-мыслителям, у которых образ или мысль возникает со всеми частностями, во всей жизненности, с случайностями, разнообразными воплощениями, так что им очень мудрено охладивать, так сказать, свою мысль или образ. Я как-то упрекал Льва Толстого, что у него все на первом плане, все одинаково сильно живет, тогда как в живописи, например, и в натуре для глаза – ярко видно лишь то, что на первом плане, а остальное, по мере отдаления, бледнеет, сереет. Что было бы, если б глаз *одинаково отчетливо и живо* видел и близкое и на краю горизонта! Он бы лопнул. Так и вы. Вы даете читателю *слишком много* зараз, и кое-что, по необходимости, остается недосказанным. Иногда у вас в скобках, между прочим, скачок в такой отдаленный горизонт, *с перспективую такой новой дали*, что у иного читателя голова смущается и кружится, – и только скачок. Я это говорю на основании делаемых мною наблюдений о впечатлении, производимом вашими статьями на большинство читателей. Для меня понятен каждый ваш намек, каждый штрих, – ну а для читателя вообще – слишком, повторяю, крупная порция. Я слышал от Кошелева, приезжавшего в Москву на один день, что в августовской книжке „Русской мысли“ должна была появиться статья Юрьева не то что против вас, но по поводу вас с некоторым возражением. Да и он сам (Кошелев) махнул было статейку на тему о смирении и гордости: слишком-де превозносите русский народ, и т. д. . . .“ Через три недели, 3 сентября 1880 г., Аксаков писал Достоевскому: „И не торопитесь мне отвечать, дорогой

рад, что там нет статей *против* Достоевского. А должны были быть. Кошелев приезжал сюда на один день и сказал мне, что он послал свою статью Юрьеву, который также пишет статью. Может быть, Кошелев устыдился после сильных моих слов и отменил помещение своей статейки²¹...

Автограф. ЛВ, ф.93.11.1.23.

Федор Михайлович, и не отвлекайтесь от вашего дела. Я знаю и без ваших слов, как вы пишете и чего стоит вам писание романа, особенно такого, как „Братья Карамазовы“. Такое писание *изводит* человека; это не произведение виртуоза – тут ваша собственная кровь и плоть – в переносном смысле. Для меня достаточно уже то, что вы именно так отнеслись к моему письму; если в нем есть что верного, так оно с вас не соскользнет и вы уже распорядитесь им по-своему. Письмо ваше меня очень утешило. Посылаю для вашей супруги три автографа: Гоголя, моего отца и брата Константина Сергеевича...“» (Авт. ЛВ, ф.93.П.1.20).

²¹ См. примеч. 1 к п. 214.

И. С. Аксаков – О. Ф. Миллеру

<Москва> Ночь на 29 января <1881 г.>

Я уже знал о смерти Достоевского, когда получил вашу телеграмму, многоуважаемый Орест Федорович²². Известие получено было ночью Катковым и помещено в «Московских ведомостях»²³. Горе, горе! Это незаменимая потеря! Теперь из художников-писателей и хоронить уже некого. Угасла сила *положительная*, незаменимая. Он один держал знамя высших нравственных начал. Дело художественного творче-

²² Телеграмма Миллера к Аксакову неизвестна.

²³ Привожу текст заметки, появившейся в «Московских ведомостях» 30 января, № 30: «Как гром, поразило нас вчера ночью известие о кончине Федора Михайловича Достоевского. Еще накануне, 27 января, получили мы от него собственноручное письмо, написанное твердым почерком и не возбуждавшее никаких опасений. Было, однако в этом письме зловещее слово, которое тогда скользнуло для нас незаметно. Прося нас об одном деле, он прибавил: „Это, быть может, моя *последняя* просьба“. Только теперь стал нам понятен скорбный смысл этого слова *последняя*. В нем сказалось предчувствие смерти еще прежде, чем совершилось роковое кровоизлияние, которое так быстро погасило дорогую жизнь нашего друга. Но предчувствие смерти не нарушило мира и ясности его души. Тон этих предсмертных строк его совершенно спокоен. Он входит в некоторые деловые подробности и шлет поклон друзьям... Прости, добрый делатель на русской ниве! Мы еще многого ждали от тебя, но довольно и сделанного, чтоб имя твое сохранилось навеки в русской народной памяти. Земля возьмет свое, тленное предастся тлению, но духовное наследие твое останется навсегда дорогим достоянием твоего отечества...» Упомянутое в этом сообщении письмо Достоевского (с датой 26 января) было адресовано Н. А. Любимову.

ства было для него *делом души*. Не прошло и десяти дней, даже меньше, как я ему писал!²⁴ Я написал о нем несколько слов в номере «Руси», который завтра печатается²⁵. Это казнь божия, которой, впрочем, мы стоим. В обществе и литературе у нас царит только одна *богема*, как выражаются французы. Я вовсе сиротею. Становится жутко...

²⁴ Письмо Аксакова к Достоевскому, датированное 21 января 1881 г.: «Уже сколько завалилось у меня начатых и недоконченных к вам писем, глубокоуважаемый Федор Михайлович! Благодарил я в свое время и за „Братьев Карамазовых“ и за письма ваши, которыми так дорожу, и вся эта написанная благодарность теперь уже запоздала! Примите же ее от меня теперь свежую. С нетерпением ожидаю вашего „Дневника“ <...> Ваше слово захватывает еще больший круг и, главное, проникает туда, куда едва ли достигает мое, – в среду молодежи, и проникает сквозь затворенные двери силою художественного очарования <...> С нетерпением жду вашего „Дневника“, берегите свое здоровье, а пока вас крепко обнимаю...» (Авт. ЛБ, ф.93.П.1.20).

²⁵ Аксаков писал анонимно в «Руси» 31 января (№ 12): «Достоевский умер! Потеря незаменимая!.. В нашей современной литературе это была чуть ли не единственная *положительная* сила, не растлевающая, не разрушающая, а укрепляющая и зиждительная. Это был мощный талант и замечательный мыслитель. Никто из наших писателей не был равен ему по глубине и бесстрашию психического анализа, по важности и широте нравственных задач, к разрешению которых он так страстно стремился в своих сочинениях, которые были для него личным делом, *делом души*, всей жизни, всего его существа. Его романы, с точки зрения исключительно эстетической, может быть, именно и грешат тем, что слишком запечатлены характером субъективности, – но это-то и придает им власть и обаяние искренности. Все они писались плотью и кровью, – на каждой странице изводилась жизнь самого автора: болезненный процесс творчества, преждевременно унесший его в могилу! Преждевременно, потому что талант его не слабел, но, казалось, только теперь достиг настоящего блеска и зрелости. Еще многого вправе мы были ожидать от него... Старые силы, старые дарования сходят со сцены... Кто же является им на смену?.. Нет ответа!..»

Автограф. ЛБ, ф.93.П.1.23.